

Деятельность Некрасова как редактора-издателя «Современника» должна быть дополнена рассмотрением деятельности его как сотрудника журнала в эти годы. Сотрудничество это выразилось в создании ряда прозаических и стихотворных произведений. Однако печатать свои стихи, и большинстве случаев очень острые в социальном отношении, Некрасову в годы «мрачного семилетия» становилось всё труднее и труднее, а потому он вынужден был, именно как сотрудник журнала, чрезвычайно нуждавшегося в материале, налегать на прозу. Имея в лице А. Я. Панаевой постоянного соавтора, оказывавшего ему значительную помощь (литературный псевдоним А. Я. Панаевой — Н. Станицкий), Некрасов в 1848—1849 годах создает и печатает в «Современнике» большой роман «Три страны света». Роман этот относится к жанру авантюрных романов.

В «Трех странах света», романе, принадлежащем в большей своей части перу Некрасова, а не Панаевой,²² нет декларативных заявлений вроде заявления о «несчастливцах», которым нет места даже на чердаках и в подвалах, потому что есть счастливыцы, которым тесны «целые дома», но система образов, как и в «Похождениях Тросникова», подчинена этой именно идее. Перед читателем снова разворачиваются два мира: мир «счастливыцев», к которым автор относится явно несочувственно, и мир «несчастливцев», которым принадлежат его симпатии. «Счастливыцы» — это сплошь представители привилегированных классов. Галерея «несчастливцев» в «Трех странах света» очень обширна, и им уделяется несравненно больше внимания, чем «счастливыцам».

Демократические тенденции весьма явственно проступают в содержании «Трех стран света». Независимо от того, что критика мира «счастливыцев», о которой только что было сказано, дается с демократических позиций, в «Трех странах света» одним из основных является образ великого — героического в труде, героического в борьбе — русского народа. Он проходит через весь роман, находя наиболее яркое воплощение в образе Антипа Хребтова.

Как бы подытоживая свои многочисленные впечатления и наблюдения, герой романа, представитель демократической интеллигенции, Каютин вносит в свои записки ряд следующих поистине замечательных суждений:

«Я много люблю русского крестьянина, потому что хорошо его знаю. И кто, подобно многим нашим юношам, после обычной „жажды дел“ впал в апатию и сидит сложа руки, кого тревожат скептические мысли, безотрадные и безвыходные, тому советую я, подобно мне, прокатиться по раздольному нашему царству, побывать среди всяких людей, посмотреть всяких див...

«В столкновении с народом он увидит, что много жизни, здоровых и свежих сил в нашем милом и дорогом отечестве... Увидит и устыдится своего бездействия, своего скептицизма, и сам, как русский человек, разохотится, расхочется: откинет лень и положит посильный труд в сокровищницу развития, славы и процветания русского народа...» (VII, 738).

Этот отрывок важен не только для понимания идейного содержания «Трех стран света»; в нем по существу уже сформулирован тот взгляд на народ, который лег в основу и последующих поэтических произведений Некрасова и который делает «Три страны света» произведением, заслуживающим глубокой симпатии советского читателя.

Влияние Гоголя и созданной им школы сказалось и на «Трех странах света» и на помещенном в «Современнике» 1851 года за подписями Н. Некрасова и Н. Станицкого новом большом романе «Мертвое озеро». Его только с очень существенными оговорками можно считать некрасовским, ибо большинство глав написано в нем Панаевой.

Внимание к «женской доле», сочувственное изображение женщины, страдающей от крепостнического уклада социальной жизни, является своего рода ведущим началом, идейным стержнем романа.

Чтобы закончить обзор художественной прозы Некрасова за 50-е годы, следует упомянуть о последнем, четвертом, романе Некрасова «Тонкий человек» и повести его «Как я велик». Оба эти произведения сохранились в незаконченном виде.

А. Я. Панаева.

Акварель неизвестного художника.

Роман «Тонкий человек», над которым Некрасов работал в 1853—1854 годах, был напечатан в № 1 «Современника» за 1855 год. Рядом с ним были напечатаны произведения таких писателей, как Тургенев («Месяц в деревне») и Л. Толстой («Записки маркера»). Этот факт нельзя не признать симптоматичным: очевидно, Некрасов считал «Тонкого человека» не лишенным литературных достоинств, иначе не рискнул бы поместить его в столь близком соседстве с Тургеневым и Л. Толстым. Этим же объясняется, что в свои предсмертные автобиографические записки он внес такое пожелание:

«Прозы моей надо касаться осторожно. Я писал из-за хлеба много дряни, особенно повести мои, даже поздние очень плохи — просто глупы; возобновления их не желаю, исключая „Петербургские углы“ (в «Физиологии Петербурга») и разве „Тонкий человек“ (начало романа в «Современнике»)».²³

С таким огульным осуждением Некрасовым его прозаических произведений («даже поздних») согласиться невозможно, несмотря на то, что осуждение это исходило от самого автора. Здесь, разумеется, сыграли роль чрезмерная скромность Некрасова и чрезвычайная высота предъявляемых им к себе требований. Тем важнее констатировать, что Некрасов

сделал исключение для «Петербургских углов» и «Тонкого человека». И действительно, эти два произведения среди прозаических произведений Некрасова занимают особое место.

Между «Тонким человеком» и вторым романом Некрасова «Три страны света» есть известное идейное сродство.

В «Трех странах света» образы помещиков Данкова и отчасти Тульчинова, хотя и мимоходом, ставят тему «дворянского либерализма», причем отношение автора к этому последнему явно критическое. В «Тонком человеке» эта тема, как показывает самое название повести, если не самая основная, то одна из основных. Затем в «Трех странах света» больше внимания уделено теме «народ», верой в который и любовью к которому полны лучшие страницы романа. Точно так же и в «Тонком человеке» народ и возбуждаемые им чувства играют очень видную роль.

Тема «дворянского либерализма» нашла свое воплощение в образе Грачова, иронически названного автором «тонким человеком». Что же такое «тонкий человек»? «Тонкий человек», по Тросникову, — самовлюбленный эгоист («человек, много думающий о своей особе»), не получивший сколько-нибудь серьезного образования («плохо учился»), но нахватавшийся разнообразнейших, конечно, отнюдь не глубоких сведений, не могущий, да и не желающий творчески работать.

Характеристика Грачова, данная Тросниковым, дополняется автором уже от себя. От самого автора мы узнаем, что Грачов был «столбовым русским дворянином», владельцем обширного поместья на берегу Оки. Автор, а не Тросников, вкладывает в уста пьяненькому крепостному рассказ об отце Грачова, явно антикрепостнический смысл которого очевиден.

Грачов — «тонкий человек», он даже не прочь и побаловать мужика, но и балуя не может воздержаться от следующих размышлений, выдающих его крепостническое нутро: «...тебя бы следовало накормить зуботычинами, а мы тебя поим портвейном, который стоит два рубля серебром за бутылку...» (VI, 447).

Отсюда видно, что Грачов, принадлежащий к «кружку умников» и явно придерживающийся либерального образа мыслей, относится к крестьянину, к мужику, как к человеку низшей породы, и не может, да и не считает нужным скрывать своего презрительного к нему отношения. Тросникову нередко приходится вступать с ним по этому поводу в споры. Особенно резкий оборот принимает между ними спор о том, способен ли мужик любить родную природу, воспринимать поэзию родных полей.

Насколько далек в это время Некрасов от дворянского либерализма, видно также и из того, в каком духе и направлении ведет он на страницах «Тонкого человека» разработку темы «народ — крестьянство».

В романе дано несколько ярких образов представителей народной среды. Сюда относятся прежде всего образы ямщиков, один из которых является воплощением удалы и неизбежного мужества, присущих русскому народу, а другой — воплощением физической мощи, выносливости и терпения. Значительно подробнее, чем образы ямщиков, разработан образ старика-бурмистра Потанина, пользующегося огромным авторитетом в глазах местного населения. Авторитет этот зиждется на необычайной высоте его нравственного облика. «Правдой страшен, правдой и силен!», — говорят о нем крестьяне управляемой им вотчины (VI, 368), подчеркивая его абсолютную неспособность отклоняться от того, что он считает своим долгом, несгибаемую твердость характера, прямоту. Вместе с тем Потанин обладает незаурядными административными способностями, блестяще справляясь с многосложными обязанностями бурмистра крупнейшего имения. В своей деятельности, как это усиленно подчеркивает автор, Потанин неизменно проявляет себя самоотверженным мирским работником. К образу Потанина Некрасов вернулся в своем шедевре — поэме «Кому на Руси жить хорошо» и на основе его создал образ Ермила Гирина.

Язык крестьянских персонажей в «Тонком человеке» поражает своей яркостью, сочностью и в то же время подлинной безыскусственностью.

«Тонкий человек» и по своему общественному смыслу и по своей художественной форме — одно из достижений прозы Некрасова, и некоторые страницы его нельзя не признать замечательными.

Повесть «Как я велик!», к сожалению, известна нам только в меньшей своей части. Мы знаем из нее лишь одну главу (гл. II), да и то черновую, и это из пяти глав. Трудно судить обо всем произведении по одной главе. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что в повести высмеиваются как Глажиевский за свою патологическую мнительность, болезненное тщеславие, постоянную готовность прихвастнуть, а то и приврать, так и тот «литературный круг» («литераторы», «литературные сочувствователи»), который так было прославил Глажиевского. Представители этого круга, придерживающиеся либерального образа мысли, обрисованы Некрасовым так, что за ними чувствуются их реальные прототипы: Анненков, Боткин, Григорович, Панаев. Всё это, по Некрасову, несерьезные, пустоватые, до страсти любящие посплетничать люди, хотя некоторые из них не лишены ума и литературного дарования. И «литераторам» и «литературным сочувствителям» в повести противопоставлен выдающийся критик Мерцалов. В нем нетрудно узнать Белинского. Повесть остается ярким доказательством того, что уже в середине 50-х годов Некрасов был непримиримым противником либерализма.

Примечания

²² Главы романа, несомненно принадлежащие Н. А. Некрасову, указаны в комментарии на страницах VII тома «Полного собрания сочинений и писем» Н. А. Некрасова (1948, стр. 826—832).

²³ «Литературное наследство», кн. 49—50, стр. 153.